

Ирина Ярич

Бронте

История семьи

Ирина Ярич Бронте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68367952

SelfPub; 2022

Аннотация

В семье пастора провинциального городка Средней Англии росли талантливые дети. Но не всем удалось выдержать удары судьбы. Сколько разрушенных надежд и горестей выпало на их долю. Три сестры, преодолевая печали и болезни, были верны своему литературному призванию и... вошли в мировую литературу как классики английской реалистической прозы. Эта книга о них и их семье.

Содержание

Глава первая. Патрик Бронте	5
Глава вторая. Школа в Коуэн-Бридж	13
Глава третья. Дети.	27
Глава четвертая. Разочарование.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ирина Ярич Бронте

У писателей своя судьба.

Латинское изречение.

То, что суждено, проложит себе путь.

Вергилий.

Глава первая. Патрик Бронте

Обширное, почти ровное поле с множеством темноватых могильных плит. Вдали мягкие складки холмов закрыли горизонт. Контуры холмов, будто размыты из-за дымки, их основания тонут в белёсом тумане. Слева от кладбища тянется живописная пустошь, покрытая низким вечнозелёным кустарником, с вкраплениями лиловых цветов. Почти в центре поля скорби стоит небольшой двухэтажный дом из серого камня с маленьким садиком вокруг него. Несмотря на унылое местонахождение дома, внутри него уютно и весело.

Чуть больше месяца назад сюда переехало семейство пастора Патрика Бронте, недавно переведённого из Торнфильда в Хаурт, что близ Бредфорда в Йоркшире. Несмотря на обилие дел, у него находится время для своей милой жены и славных деток. Их шестеро. Старшим, Марии и Элизабет, он читает интересные, но поучительные книги, а с младшими: Шарлоттой, Брануэллом и Эмили играет. И всегда им весело. Малютка Энн, если не спит в колыбельке, то покоится на ласковых руках своей нежной мамы, которая с любовью и отрадой смотрит на обожаемых мужа и детей. А он не скрывает своей гордости за такую хорошенькую, прекрасную жену и мать, а также за детей – умненьких непосед. В гостиной всегда раздаётся весёлый смех детей, радостные возгласы отца и мягкий, ласковый говор матери.

Между тем жизнь обитателей Хауорта далека от идиллии. Городок славится распространением эпидемий, так как в нём до сих пор никто не позаботился об отводе сточных вод. Засорение почвы нечистотами приводит к загрязнению воды, которой пользуются жители для домашних нужд.

Кладбище частенько пополняется новыми могильными плитами. Уже за первый месяц Патрику Бронте пришлось служить молебен об упокоении полутора десяткам усопших городка. И печальнее всего, что большая часть из них ещё совсем молодые и даже дети.

Но уютный дом в хлопотливых руках жены и радостные лица детей с пытливыми глазёнками рассеивают грусть пастора.

* * *

Прошёл год с лишним. Ключья серых туч мчатся на перегонки, заслоняя собой бледно-голубое небо. Ветер отрывает листву от родных веток и швыряет её наземь, пригибает высокую траву и нещадно трепет седеющие волосы на склонённой голове пастора, который стоит перед могилой, где только начинают пробиваться зелёные стебельки. Трое мужчин осторожно кладут на них тяжёлую каменную плиту с надписью:

ЗДЕСЬ
ЛЕЖАТ ОСТАНКИ
МАРИИ БРОНТЕ, ЖЕНЫ
ПРЕПОДОБНОГО П. БРОНТЕ,

СВЯЩЕННИКА ХАУОРТА.

ЕЁ ДУША ОТБЫЛА К СПАСИТЕЛЮ 15 СЕНТ. 1821,
НА 39-ОМ ГОДУ ЕЁ ЖИЗНИ.

Он часто стоит перед могилой любимой жены, и слёзы отчаяния увлажняют его бледные и впалые щёки. Те семь жутких месяцев, которые причиняли Марии невыносимые страдания, он всё надеялся на милость Всевышнего, что он даст ей облегчение и придёт исцеление. Но Мария медленно и мучительно угасала. Теперь же она не испытывает боли в этом мире. Но каково ему, Патрику, жить без неё. С её уходом он ощутил себя беспомощным и одиноким, и понял, что именно жена, тихая и милая, которая на шесть лет моложе его, была главой их семьи, и она не заменима. Её нет, и всё разладилось, словно в каком-то механизме, который работал безупречно, вдруг сломалась и выскочила маленькая пружинка, притом, что все остальные детали остались целы, но механизм работать также слажено уже не может.

Во время своих бессонных ночей Патрик часто взывал к Богу, вопрошая, чем же он прогневил его: почему столь ужасный недуг поразил его жену, которая казалась ему безупречной? За какие грехи Творец забрал Марию так рано, когда она так нужна ему и детям? И он в полной растерянности как их растить без матери. За что Создатель поселил их в таком гиблом месте, как Хауорт, где пустынный ландшафт и болотистая местность повергают в уныние, и, где его семья вынуждена жить в окружении могил?

Несмотря на угнетающую хандру, Патрик пытается отвлечься работой. Он старается с большим рвением исполнять обязанности приходского священника и постепенно становится фанатиком в своём деле. Дети скучают, им так не хватает нежных слов и ласковых рук матери. Отца они видят редко и теперь всегда он мрачен, простужен или слишком утомлён.

Хозяйство легло на маленькие плечики старшей восьмилетней Марии, тёжке мамы. Но разве ребёнок в состоянии управиться со всем, и детей, как может, опекает служанка. Постепенно убранство комнат, некогда такое уютное, приходит в небрежение. Уже нет той почти идеальной чистоты, которая была при хозяйственной Марии. У детей обувь снашивается, одежда рвётся, а отец в своей угрюмости всего этого не замечает. Или делает вид, что не замечает? Прихожане с сочувствием смотрят, как маленькая группка хорошеньких деток, один другого меньше, держась за руки попарно, гуляет по вересковой пустоши. Платья и башмаки у них прохудились. Медленно они бредут среди зарослей кустарника, изредка нагибаясь и собирая цветы. Тихи их движения, грустны их лица, ветер трепет одежонку и волосы, выбившиеся из-под миниатюрных шляпок. Трогательная картина одиноких сироток отражается слезами в глазах сентиментальных соседей. Но предложить помощь суровому пастору, который почтёт её за оскорбляющую достоинство джентльмена милостыню, невозможно – это навлечёт его гнев.

С некоторых пор у Патрика Бронте появилась мысль жениться. Нет, конечно же, он не забыл своей любимой Марии, и её память свято чтит. Но дети! «Детям нужна мать, о них должна заботиться женщина. Она лучше понимает, что им нужно. Да и мне будет не так одиноко», – так всё чаще думал Патрик.

* * *

Прошло два года, и за это время он получал отказ дважды. Ни одна из его избранниц не решилась взвалить на себя заботу о шестерых малышках. А он ещё больше замыкался в себе, хотя его дом был всегда открыт для прихожан. Смотря на его вечно суровое лицо и слушая его строгие проповеди, теперь уже невозможно поверить, что несколько лет назад он весело распевал псалмы в кругу своей семьи и сочинял стихи. Два томика его произведений пылятся на книжной полке в полном забвении.

К маленьким Бронте приехала их тётя, Элизабет Брануэлл, сестра покойной. Она решила позаботиться о детях и доме, который здорово запустил пастор, старательно предаваясь своим религиозным бдениям. Незамужняя и бездетная тётя исповедовала методизм и решила взяться за обучение маленьких племянниц и исподволь попытаться распространить его и на них. Она учила их читать, писать и считать. А с Брануэллом, единственным сыном занимался сам отец. Но Патрик понимал, что детям ни он, ни Элизабет не смогут дать того образования, которое потребуется в дальней-

шей жизни и удовлетворит их пытливые умы. Отец мечтал отдать детей в хорошую престижную школу, но не мог этого воплотить. Зато не скупился на книги, которые выписывал из Лондона и поощрял чтение.

Элизабет Брануэлл всем своим негодующим видом показывала своё отношение к мрачному супругу своей покойной сестры за то, что он довёл детей до нищенского состояния. Хозяину дома не пришёлся по душе домашний судья, но на кого же оставить детей. Тогда он вспомнил мисс Бэрдер, которая четырнадцать лет назад его любила. Но Патрик предпочёл ей миниатюрную и миловидную Марию, которая подарила ему несколько лет счастливой семейной жизни. О, она должна пожалеть малюток, ведь их отец был когда-то к ней неравнодушен. Он думал, она будет рада, услышать от него предложение руки и сердца. Верно, какое-то время позлорадствует, а потом размякнет и посчитает, что всё же он к ней вернулся, и что победила она. Женское самолюбие подскажет ей, хотя и ложно, по мнению Патрика, что была нужна ему всегда именно она. Пусть так думает, лишь бы приласкала детей и заботилась о них.

Дама слушала его, сначала сбивчивую, но затем горячую речь, которая, казалось, могла вызвать сочувствие у любой женщины. Она стояла, выпрямившись, с высоко поднятой головой, и лишь плотно сжатые губы и ещё больше сузившийся нос с расширившимися и вздрагивающими ноздрями показывали, какая буря бушевала за этой непроницае-

мой маской лица. Совокупность различных чувств слились в разрушительный ураган, который обрушился на её душу, покрытую язвами оскорблённого самолюбия, униженной чести и застарелой обиды.

Она ликовала, что Патрик пришёл к ней, что он нуждается в ней! Но это чувство не давало ей облегчения, и не было светлым. Напротив, оно порождало злорадство: «Вот теперь-то ты понял, как просчитался! Так тебе и надо! Ты расплачиваешься за мои слёзы и мою душевную боль!» – думала она, смотря мимо него, но видя его скорбное лицо. Она негодовала, хотя и молчала. Её возмущало, что Патрик явился не сразу после смерти жены, а спустя почти три года! И, что до визита к ней уже делал дважды предложение другим женщинам! Значит, в своей жизни он предлагает руку и сердце уже в четвёртый раз! А она? Она когда-то была первой любовью, а сейчас стала четвёртой претенденткой и будет второй женой! И он хочет, чтобы она, некогда покинутая им, заботилась о детях той, ради которой её бросил! Чтобы воспитывала «таких умненьких и славненьких» отпрысков той, которую она всегда ненавидела и, которая лишила её любимого и семьи...

Вот, если бы он примчался к ней тот час, как овдовел, возможно, она и уступила бы ему, но теперь... «Ах, если бы он женился на мне тогда... Жена его, то есть я была бы жива и здорова, дети ухожены. Но он сделал другой выбор, так пусть пожинает свои горькие плоды!» – это была последняя мысль

в её долгом молчании, прежде чем она заговорила твёрдым голосом и решительным тоном.

Патрик нуждался в нежном участии любящей женщины и понимал это, а также сознавал, что его детям такая женщина необходима. Пока он говорил, старался угадать ответ, но это побледневшее, почти каменное лицо стареющей женщины было безмолвно и он, чем дальше, тем больше терял надежду обрести в ней утешение и ласку детям и себе. Патрик так разволновался, что его чуть не била нервная дрожь, лицо пылало, а у корней волос даже выступил пот. Но слова этой непреклонной дамы обдали его безжалостной волной, породившей озноб и усилившей тоску и горечь своего положения. Да, в её словах был отказ и ещё месть за давнюю обиду, и пренебрежение к детям соперницы.

Патрик Бронте решил, что больше попыток жениться не будет. Крушение надежд хуже, чем их отсутствие.

Глава вторая. Школа в Коуэн-Бридж

В местечке Коуэн-Бридж открыли школу, где могли обучаться дочери священников, чей доход весьма невелик. Эта школа открыта стараниями энергичного и богатого священника Преподобного Уильяма Каруса Вильсона. Желая помочь коллегам со скудным доходом, тем самым, преследуя благие намерения, он изобрёл схему, позволявшую их детям получить достойное образование. Родители оплачивали жилье и питание, а остальные средства поступали в школу от пожертвований, сумму которых определил Вильсон в ежегодной благотворительной подписке. Школа находилась на попечении двенадцати опекунов, но главным среди них был Уильям Вильсон, исполняющий ещё и должности секретаря и казначея. Фактическая власть над порядками в школе была в его руках. И он же разработал свод правил, которыми должны руководствоваться воспитанницы школы. Так как доход на содержание учениц составлял незначительную сумму и был нестабилен, то казначей школы поощрял всевозможную экономию.

Патрик Бронте, как и другие бедные священники обрадовался возможности дать детям необходимое образование. Нельзя сказать, что он пришёл в восторг после того, как озна-

комился с правилами школы, но, поразмыслив, сделал вывод: «А, может и к лучшему. Девочек приучат к скромности, порядку. Они встретят суровую жизнь не изнеженными и капризными, а готовыми справиться с любым поворотом в изменчивой фортуне».

1 июля 1824 г. старшие сёстры Бронте Мария и Элизабет покинули дом. Они едва успели оправиться после кори и коклюша, как отец отвёз их в школу.

Равнина с низкой и мягкой травой, кое-где бугрится кучками кустарников, понижаясь, образует долину Льюн. В солнечные дни, которые здесь бывают нечасто, среди яркой зелени журчит сверкающий поток по ложу из белой гальки. Через него перекинулся мост, когда-то, в незапамятные времена там упал большой обломок серой скалы. По мосту бежит дорога из Лидса в Кендал. Возле пересечения водного и сухопутного путей расположились серые домики – три с одной стороны моста и четыре с другой – деревушка Коуэн-Бридж, где располагалось здание бывшего завода, а теперь приспособленное для идеи Вильсона.

Девочки скучали по своим родным, им было непривычно шумное соседство нескольких десятков воспитанниц, и они боялись строгих преподавателей. Здесь маленькая Мария снова стала вспоминать мать, к отсутствию, которой, казалось, уже привыкла. Она остро почувствовала, что ей очень одиноко, а нужно подбадривать сестрёнку, ведь она старшая. И всё-таки хорошо, что рядом Элизабет, вдвоём не

так грустно и тоскливо.

По воскресеньям белая волна выплёскивалась из дверей школы и катилась в сторону далёкой церкви, это воспитанницы в одинаковых белых платьицах шли слушать проповедь преподобного Вильсона.

Ослабленные, недавно перенесённой болезнью девочки долго приспособлялись к условиям своего нового бытия. Строгие нарекания взрослых огорчали их, воскресные длительные походы в церковь утомляли, маленькие порции невкусной еды заставляли их частенько голодать.

Марию наказывали чаще, чем её сестру. Она всё время забывала, то кровать заправить аккуратно, то причесаться гладко и волосы выбивались из-под соломенной шляпки, то дыру в платье не зашила, то чулки разорвала, то на уроке в окно смотрела, то стежки неровно накладывает, и совершает разные прочие проступки, с которыми не могут мириться требовательные и строгие воспитательницы маленьких леди. А Мария как не старалась выполнять все наставления старших, совершенно не замечала, как они вылетают из её памяти. Её захватывали другие, более интересные вещи. Она могла без устали и подолгу размышлять, куда бежит жучок и почему у него такой цвет? Если вот так посмотреть, то он просто тёмный, а, если этак, и Мария наклоняла головку в сером чепчике, приближая её к левому плечу, то спинка блестит зеленовато-золотистым цветом. Или почему у девочки, что сидит за столом справа от неё, волосы вьются, как будто она

накрутила их на палочку, но она их не накручивала, это Мария знала точно. И она недоумевала, почему они у неё лежат такими красивыми волнами? А почему заболела мама? Сёстры говорят, что они уже мало, что помнят, а она помнит её, особенно глаза, такие печальные. Мария пыталась найти ответы на досаждающие её вопросы: «Почему мама умерла? Чтобы мы научились жить самостоятельно? А зачем нам так жить? Всё время делать то, что не хочешь, зачем такая жизнь? Меня всё время ругают. Наверное, они правы, а я делаю что-то не так как надо. Но откуда мне знать, как надо?! Я этого не понимаю. Наверное, я глупая, поэтому нельзя обижаться за то, что меня наказывают. Им непостижимо то, что у меня в голове, а мне непостижимо, какая связь между тем, как причесался или оделся, и «быть приличной девочкой». И почему эти наставления улетают из моей головы? Как получается, что я не замечаю того, что видят другие? Отчего я обращаю внимание на то, что другим неинтересно?.. Ах, какой сегодня был рассвет, я не могла оторвать взгляда и... забыла заправить кровать, за что и поплатилась».

Элизабет старалась не совершать ошибок сестры, но как ей помочь избежать наказаний не знала и страдала за неё.

В сентябре в школу приехал отец, а с ним Шарлотта и Эмили. Патрик надеялся, что сёстрам будет вместе веселее, и они обеспечат себе будущее, выучившись на гувернанток.

Мария и Элизабет жалели, что папа не может остаться подольше. Им столько хотелось рассказать. Они прильнули к

нему, обхватив ручонками, и так смотрели на него, что Патрик едва сдержался, чтобы не заплакать при них. Но, когда он выехал на безлюдную дорогу, ловко управляясь с резвой кобылой, разрыдался от тоски и беспомощности, жалости к детям и бессильной злобы на себя. Ветер не успевал высушивать следы одних слезинок, как вслед им бежали другие. А девочки в это время, погоревав, что отец так скоро уехал, принялись обмениваться своими новостями. Потом старшие начали знакомить вновь прибывших с обитателями школы, рассказывать о строгих взрослых и их противных правилах.

Мария, которой шёл уже одиннадцатый год, сознавала ответственность за младших, и выступала в роли патронессы, она всячески оберегала и защищала их, несмотря на то, что ей самой доставалось от преподавателей и старших девочек школы. Она всегда спешила на выручку сестрам. Элизабет исполнилось девять лет, но она была так добра и доверчива, что её не раз обманывали хитрые и жадные воспитанницы постарше, выманивая у неё кусочек хлеба или пирога, который она приберегала для сестрёнок. Восьмилетняя Шарлотта, бойкая и говорливая. Маленькая и хрупкая её фигурка замирала при резком крике на неё или кого-либо из сестёр. Малютке Эмили, пошёл шестой год, выглядела она изящной и милой куколкой, но наглые старшие ученицы пытались обращаться с ней бесцеремонно. Мария же, не отличающаяся здоровым и крепким видом, забывая страх и себя, как орлица бросалась защищать своих орлят-сестёр.

Осень принесла частые дожди и туманы. Стало прохладно и сыро. Спальные комнаты в школе располагались на втором этаже, к ним вёл узкий и извилистый коридор. Потолки были здесь низкие, а окна маленькие и их можно было открыть самое большее наполовину. В результате помещение плохо проветривалось. Не раз ученицам приходилось ощущать кроме сырости, пробирающейся сквозь платье к их щуплым тельцам ещё и запахи сгоревшей овсянки или протухшего мяса, которые преследовали их многие сутки. Повар был давним знакомым семейства Вильсонов и пользовался неограниченным доверием казначея, который не посчитался даже с мнением преподавателей, попытавшихся обличить преступное пренебрежение повара к здоровью обитателей школы. Возмущённый Вильсон увидел в этом посягательство на его власть и напомнил учителям, что их обязанность – обучение, а управление школой и пропитание – дело его и повара. И всё осталось по-прежнему: на завтрак пригоревшая овсяная каша или жёсткая тестенная овсяная лепёшка, на обед печённая или варенная говядина или баранина, которую не разжужёшь или от запаха, которой тошнит, ещё безвкусный, иногда пересолённый картофельный пирог и скользкий, выпрыгивающий из тарелки пудинг. Животы у воспитанниц часто урчали от голода и болели от занесённой грязными руками повара инфекции или скверных условий хранения продуктов в кладовой.

Воскресные прогулки под холодным дождём и пронизы-

вающим ветром стали тяжкими.

Колонна девочек в фиолетовых платьях и плащах движется к церкви. Одной рукой каждая из них придерживает распахивающийся на ветру плащ, а в другой зажат узелок с обедом. Дождь хлещет нещадно, башмаки шлёпают по лужам. И вот, они пришли, разместились на жёстких и холодных лавках слушать проповедь. Влага проникает сквозь плетение нитей одежды всё глубже и охлаждает детские тела, вынужденные оставаться несколько часов без движений. В перерыве между проповедями они съедают свой кусок холодного мяса с давно остывшей картошкой, а потом отправляются обратно, дрожа от стужи.

С наступлением зимы эти походы стали ещё мучительнее. Намокшие и озябшие дети приходят в церковь, которая не отапливается, и продолжают мёрзнуть часами. Они пытаются согреть заиндевевшие ножки, но тщетно. Когда им позволяют съесть их обед, дуют на заковневшие пальцы, которые с трудом удерживают почти ледяные куски. После холодной еды детей колотит озноб. В церкви то там, то тут раздаются чихание и кашель. Воспитанницы радуются концу проповеди, но ужасает долгий обратный путь, и всё же они спешат покинуть этот ненавистный храм и поскорее забыть нудную речь их мучителя, который превратил праздничный воскресный день в ужасный день пыток всепроникающим холодом. На следующее утро Мария и Элизабет еле-еле могут встать, и кашель всё больше одолевает их слабые тела.

Однажды Мария чувствовала себя так плохо, что не было сил встать. Но безжалостная воспитательница потребовала, чтобы Мария оделась и присоединилась к остальным. Бедная девочка была вынуждена подчиниться. Её бил озноб, похолодевшие руки не слушались. Едва она оделась, как воспитательница, схватив её за тонкую ручку, вытащила на середину комнаты и стала порицать больного ребёнка за то, что та поставила возле кровати ночной горшок. Воспитательница негодовала, к ней в комнату проникал запах из этого горшка (вход в комнату воспитательницы располагался как раз возле кровати Марии). Дама была так возмущена, что своим криком совсем напугала девочку. Мария трясущимися руками ухватилась за перила лестницы, дрожащими ногами шагнула на ступеньки. Её душили рыдания, но она боялась плакать, как бы ещё больше не разозлить мадам. Мария, с некоторыми перерывами, переводя дыхание, с трудом спускалась. Но всё же за опоздание её ждало наказание.

Сёстры не могли помочь Марии, лишь сочувственно наблюдали и потихоньку плакали, а сами старались меньше давать повода к придиркам. Возможно, они не так остро переживали то положение, в котором находились, потому что были моложе её и ещё не совсем осознавали весь его ужас. А Мария, лёжа в постели перед сном молилась. Она просила мать заступиться за неё перед Спасителем, просила Бога научить её поступать так, чтобы избегать унижительных наказаний. Умоляла Творца унять мучившей её кашель. Она при-

зывала отца услышать её мольбы и забрать её из этой гнусной школы, где ей так тяжело жить.

Маленькие Бронте улучали в строгом расписании моменты побыть наедине и пообщаться. Мария говорила, что она хочет домой, что здесь ей так плохо, что и передать трудно. Сёстрам тоже хотелось поскорее вернуться, и они считали, что дома лучше, даже, если отец и занят. Шарлотта им возражала, что как бы дома не было хорошо, ни папа, ни тётя не обладают теми знаниями, чтобы заменить учителей, и у них нет того времени, чтобы заниматься с ними регулярно. «Ведь так интересно познавать какие ещё на земле обитают народы, как они живут и как далеко от нас, а как мы теперь правильно пишем и умеем решать задачи, и постигаем, как нужно вести хозяйство. Какие интересные приборы есть у учителей и как здорово выучиться, чтобы самим учить других. За это приходится терпеть, как бы не хотелось домой», – убеждала она сестёр. Но Мария даже ради этого не желала тут оставаться, она ощущала себя всё слабее и хуже. Ей неприятны бесконечные напоминания господина Вильсона, что держат их здесь из милосердия, поэтому они должны быть благодарны, скромны и непритязательны.

Тягостно жилось воспитанницам в школе Коуэн-Бридж, большинство из них сознавали несправедливость столь жёсткого обращения, которое часто перерастало в жестокое и убивало слабые их тела и неопытные души.

Весной постоянная слабость и недомогание среди детей

переросло в лихорадку, на которую, наконец-то, обратил своё внимание Вильсон и поколебала его уверенность в своём методе воспитания. Девочки выглядели унылыми и апатичными. Опекун послал к ним прачку, чтобы выяснить что случилось. Та недолго задержалась, но поняла многое и поспешила уйти, опасаясь принести инфекцию своим детям. Вильсону пришлось обратиться к врачу. Оказалось, что сорок учениц заболели сыпным тифом, к счастью среди них сестёр Бронте не оказалось. Врач высказал мнение о причинах болезни и призвал Вильсона обратить внимание на питание детей. Прачка, которую Вильсон принудил исполнять роль медсестры при больных детях, после увольнения повара стала следить за приготовлением пищи, которая с тех пор стала вполне пригодна и даже хороша.

Но Мария и Элизабет сильно ослабели. Плохо приготовленная еда из несвежих продуктов, и её недостаточное количество в течение многих месяцев, а также постоянное пребывание в холодных и сырых помещениях могли расстроить любой организм, а детский, неокрепший и болезненный подавно. Весенняя слабость оказалась последним ударом, которое испытало хрупкое здоровье Марии и Элизабет. Если последняя ещё держалась, то её старшую сестру кашель совсем замучил, и в апреле попечителям школы пришлось вызвать её отца. Патрик Бронте полностью полагаясь на Преподобного Вильсона, впрочем, как и другие родители, совершенно не предполагал, в каком плачевном состоянии нахо-

дятся его дочери, и ужаснулся той перемене, какую увидел в детях, особенно у Марии. Девочка лежала с бледно-зелёным личиком, она была не в силах встать. О воспалительном процессе, который происходил в её организме, говорил нездоровый блеск больших глаз. Худенькие бледные ручки поднялись, чтобы обнять отца. В тоненьких пальцах правой руки зажат большой светлый носовой платок с алыми пятнами, который она частенько подносит ко рту во время приступов кашля. С обеих сторон от неё стоят Элизабет и Шарлотта, а Эмили сидит на краешке кровати. Они пришли проведать сестру вопреки запрету. Как только вошёл Патрик, дети бросились к нему. Он обнял и расцеловал младших дочек, прежде чем приблизил свои губы к прохладному лобку Марии и пожал её холодные ручки. Конечно же, отец не мог оставить ребёнка в школе в таком состоянии. Он помог вместе с сёстрами ей одеться, затем вынес, осторожно спускаясь по каменным ступеням.

Но, как ни ухаживали родные, как ни старался доктор, приглашённый отцом, переезд в родной дом не спас больную девочку. Всего лишь несколько дней она прожила в доме, куда так стремилась все эти долгие месяцы, когда каждый день она должна была выслушивать унижающие её порицания и терпеть наказания, холод и полуголодное существование, страдать не только за себя, но и за своих младших сестрёнок, которым ей так хотелось помочь.

Солнечный день шестого мая 1825 года ей уже не суждено

было увидеть. Её веки сомкнулись навек. А Патрик потерял вторую Марию, так похожую на мать.

Элизабет, узнав о смерти старшей сестры, слегла, невероятная слабость придавила её к постели. Сёстры ухаживали за ней, как могли, но воспитатели пускали их к ней всё реже, опасаясь, что у Элизабет, как и у Марии, чахотка, но и отцу, недавно похоронившему дочь, пока не сообщали.

Шли дни, за окном солнышко всё больше пригревало, глаз радовала сочная зелень вокруг и пестрота распустившихся цветов. Весело щебетали птицы. А у Элизабет наворачивались слёзы, потому что ни весенней молодой и гибкой травы, ни шелестящих на ветру листьев, ни прекрасных летних цветов Мэри уже никогда не увидит, как и не услышит звонких птичьих песен и голосов сестёр, которые вспоминают её каждый день и будут помнить всегда.

Когда приехал отец, Элизабет тихо лежала, лишь иногда её худенькое тело сотрясал кашель. Кроткий и печальный взгляд её задумчивых глаз тронул отца, и он ужаснулся от мелькнувшей горькой мысли: «Неужели и она!» и тут же попытался себя убедить, что дома она поправится. Тридцать первого мая Патрик отвёз домой не только Элизабет, но Шарлотту и Эмили.

Даже летнее тепло и забота родных уже не смогли помочь ослабленному и больному организму Элизабет. Она медленно угасала и всё больше становилась задумчивой. Однажды она спросила у отца: «Папа, я тоже умру, как и Мэри? И ме-

ня больше не будет с вами, как и её?» Патрик так растерялся, что не знал, как ответить умирающей дочери. От такого неожиданного вопроса он застыл, а внутри поднималась волна скорби, подкатывавшая удушающий ком к горлу, а к глазам предательскую влагу. Невероятных усилий ему стоило сдержаться и выдать слова, которыми он надеялся её успокоить: «Ну, что ты дочка, ты поправишься, и скоро будешь играть со своими сёстрами и братиком. А потом, осенью вы снова пойдёте в школу». «О, папа, умоляю тебя, – еле слышно, но твёрдо произнесла Элизабет, – Не отправляй нас туда больше, пожалуйста! Пожалей нас, а то мы всё умрём!» После этих её слов Патрик только и мог кивать головой в знак согласия и пробормотал: «Ладно, доченька, ладно».

Но Элизабет прожила всего лишь две недели, пятнадцатого июня её душа покинула наш грешный мир. Шарлотта теперь стала среди детей старшей, и теперь она должна заботиться о маленьких Бронте.

Пастор Патрик Бронте понимал, что должен найти силы жить дальше, подавать пример стойкости прихожанам, но сорокавосемилетнему мужчине, тоскующему по умершей жене и похоронившему своих двух старших дочерей, жизнь была не мила и горе, обрушившееся на его семью, изъело его страждущую душу.

Когда же летние каникулы закончились, Патрик снова привёз Шарлотту и Эмили в школу. Но у него навязчиво всплывали в памяти слова Элизабет, и он изредка стал на-

вещать дочерей. Когда же понял, что наступающие холода и непрекращающаяся сырость могут пагубно отразиться и на их здоровье, то решил забрать из школы. К зиме девочки с радостью вернулись домой.

Глава третья. Дети.

В ту же зиму на службу в пасторат поступила коренная жительница Йоркшира, пятидесятичетырехлетняя Табби, дородная и практичная. Своим проницательным умом она быстро оценила обстановку в доме и стала незаменимой помощницей и советчицей детям, к которым прикипело её одинокое сердце. В течении последующих тридцать лет она была свидетельницей маленьких радостей и бесконечно долгих горестей семьи Бронте. Сострадая сиротам, Табби старалась обеспечить их теми маленькими удовольствиями, которые были в её власти, но, тем не менее, она не потакала детским шалостям и командовала ими частенько довольно резко.

Обучением девочек занялась мисс Брануэлл, превращая свою комнату на время уроков в классную. Патрика Брануэлла, или просто Брануэлла, как его все звали дома, наставлял отец, несмотря на советы друзей отдать сына в школу. Мальчик упорно занимался по несколько часов в день. Когда же почти всё время отца поглотили его пасторские обязанности, Брануэлл освоился в компании соседских сельских мальчишек.

Табби иногда по вечерам, когда была свободна от бесчисленных домашних дел, рассказывала детям всякие истории, которых знавала множество. Она жила в Хаурте в то время,

когда в долине ещё не было заводов, а шерсть пряли сельчане округи вручную. Раз в неделю навьюченные шерстью и украшенные звонкими колокольчиками и цветной пряжей лошади торжественно шествовали через улочки Хаурта и далее по холмам к Колну и Берли. По ночам в лучах лунного света серебрились полупрозрачные крылышки и благоухающие платица фей, которые посещали тогда этот край. Тому было не мало свидетелей, как утверждала Табби. Дети внимали рассказам о старине с трепетным интересом. Она говорила им, как жили раньше, как распадалось дворянство и разорялись благородные его представители, открывала им некогда страшные тайны гибели целых семейств и связанные с этим суеверия.

От отца дети слышали пространные рассуждения о политике и различных общественных делах, и по его примеру пытались размышлять и давать оценку заметным деятелям страны и важным, по их мнению, событиям. Так же, как и отец Шарлотта примкнула к партии Тори. Она старательно подражала взрослым, ведь ей теперь надо опекать сестрёнок и братика, среди них она старшая. Ей принадлежит инициатива многих их игр.

Однажды, когда уже смеркалось, и за окном снежная метель кружила вихри, а ветер гнул ветви и противно завывал в дымоходе, дети сидели на кухне возле камина и смотрели на искрящиеся, игривые язычки пламени. Их губки были надуты, а лица недовольны, потому что они обиделись на эко-

номную Табби, которая отказалась дать им свечу. Молчание прервал вздох Брануэлла и его возглас:

– Я не знаю, что делать.

– Иди в кровать, – отреагировала Табби.

– Я бы предпочёл сделать что-нибудь другое, – возразил он.

Шарлотта, которая задумчиво смотрела на сгорающие поленья в камине, загадочно улыбнулась, блеснули её карие глаза, и она произнесла:

– Табби, ну почему Вы сегодня так мрачны? Давайте, представим, что у каждого из нас есть свой собственный остров!

Сильные руки строгой служанки продолжали месить тесто, но уголки её губ иронично дрогнули. А дети тут же принялись делить между собой известные им острова, населяя их достойными мужами. Бой часов, пробивших семь и призвавших ребят в постель, не прекратил их интереса к новой игре, которую они назвали Островитяне и, которая длилась многие месяцы. За ней последовали другие, не менее увлекательные для маленьких Бронте.

Большую часть времени дети проводили дома, размышляли над прочитанным, наблюдали, что происходит вокруг. Когда же взрослые были заняты и, когда им не хватало новых впечатлений, они придумывали сами разные таинственные истории и это их так увлекло, что постепенно фантазия и воображение порождали творчество. Дети с удовольстви-

ем сами писали стихи и рассказы, занимались живописью.

Когда пастора посещали прихожане с различными просьбами, и когда сам Патрик Бронте обдумывал тему и текст очередной проповеди, он требовал, чтобы в доме царила тишина, и дети, которым так хотелось погоняться друг за другом по комнатам, и шумно поспорить и поиграть в мяч или куклы, вынуждены были вести себя тихо, дабы не мешать отцу. Постепенно подвижные игры сменились более тихими, но не менее интересными, дети увлеклись литературными фантазиями. Они стали выпускать домашний литературный журнал, писали и разыгрывали пьесы, декорации к которым рисовал Брануэлл. Частенько единственным зрителем их драмы «Молодые люди» оказывалась лишь Табби, и этого было достаточно, чтобы осчастливить маленьких авторов.

Заводилой литературных игр была Шарлотта, теперь её детищем стала волшебная страна Ангрия. Этот придуманный мир дети населили прекрасными дамами и мужественными рыцарями, коварными и жестокими королевами и злобными пиратами и, конечно же, могущественными волшебниками. Правил же этой удивительной страной успешный полководец и хитрый интриган герцог Заморна.

Погружаясь в волшебный мир, дети не замечали унылого пейзажа своей любимой «Страны тишины» – вересковых пустошей и холодных порывов ветра и ненастных серых туч, ими овладевала безграничная радость, потому что счастье обретается лишь в творчестве. Отец же напротив, пребывал

в мрачном настроении. Почти всё его время занимали пасторские обязанности, которые он исполнял рьяно, тем самым, стараясь уйти от тоски, которая гложила его и отвлекаться от печальных дум. Он понимал, что его дети умны и талантливы, и надо дать им хорошее образование, чтобы помочь развить то, что дал Бог, но средств к этому у него нет. Из-за того, что он не мог дать детям того, чего они заслуживали, Патрик старался меньше общаться и видеться с ними. Обедал часто один, и не редко не мог сдержать своего раздражения даже отдавая приказания кухарке. А иногда, когда тёмная и безотчётная тоска удушливой волной захлёстывала его страдающую душу, пастор, словно в припадке хватал со стены старинное ружьё и в легкой рубашке выбегал во двор. Не обращая внимания на холод, он палил в бездонную небесную сероватую мглу, пока запас патронов не иссякнет.

Промозглая и ветреная погода осенью 1830 года свалила Патрика Бронте. Простуда переросла в воспаление лёгких. Непрекращающийся жар и изматывающий кашель долго мучили больного, и он не раз мысленно прощался с жизнью и своими любимыми детками. С ужасом и горечью думал, как они будут жить, когда он умрёт, ведь с двухсот фунтов, каковым является его годовой доход, откладывать ничего не удаётся, поэтому после его смерти наследства у них никакого не будет. Даже дом, в котором они выросли, перейдёт к семье другого пастора, который его заменит. Что же будет тогда с детьми? ... Пятидесятирёхлетний отец испугался, но

не за себя, за детей. Он припомнил жену, и теперь на пороге смерти полностью осознал, как ей было невыносимо тяжело умирать, и не только из-за того, что болезнь приковала её к постели на долгие месяцы, наверняка её материнское сердце разрывалось оттого, что шесть малюток осиротеют, и забота о них и доме свалится на него. Как он предстанет «там» перед ней и где найдёт оправдание в том, что не уберёт двух старших дочерей и обрёт на нищету остальных детей. И Патрик решил, что если Бог даст ему выздороветь, то он обязательно разыщет средства, чтобы Шарлотту, как старшую направить в школу, да и заведение надо выбрать с гуманным образованием, не то что в прежней школе.

Решение ли это повлияло или миновал кризис в болезни, но Патрик Бронте стал поправляться.

Пасмурным днём девятнадцатого января следующего года крытая повозка с юной пассажиркой отправилась из Хаурта к Голове Косули, что в двадцати милях, там располагалась частная школа, которой заведовала мисс Вулер, милая и добрая женщина, и где не применялись телесные наказания. Восемь девочек подбежали к окну классной комнаты, чтобы увидеть новую ученицу.

По заснеженной дороге к большому загородному дому приблизилась повозка. И вот из неё вышла озябшая маленькая и худенькая девочка с большими карими глазами на грустном лице. Когда она пришла в классную комнату, девочки обратили внимание, что она очень застенчива и бли-

зорука, её новая одежда оказалась совсем не модной и говорила она с сильным ирландским акцентом. Это была пятнадцатилетняя Шарлотта. Отец убедил её крёстных родителей помочь, и благодаря их щедрости девочка получила возможность учиться в школе. Устаревшие модели платьев – это влияние тётки, которая уже восемь лет безвыездно жила в Хаурте и любила то направление в одежде, которое было модно во времена её молодости. Она учила девочек стряпать, вязать и шить. Строгая тётя навязывала им свой вкус. А ирландский акцент детям передал Патрик, несмотря на многие годы жизни в Англии он так и не избавился от интонаций и произношения своей родины.

Оказавшись среди незнакомых людей в новом месте, Шарлотта струхнула, сердечко её замерло, а потом бешено забилось. Доброжелательная и тактичная мисс Вулер вывела её из оцепенения. Вскоре она выяснила, хотя Шарлотта и очень начитана, но знания её не систематичны и отрывочны, в частности были пробелы в географии, а грамматику она вообще не изучала. Добросердечная женщина решила не травмировать ранимую ученицу и заниматься с ней дополнительно, кроме общей для всех программы.

Мало-помалу Шарлотта стала привыкать к девочкам, которые окружали её, а с двумя из них – Эллен Насси и Мэри Тейлор она переписывалась всю свою не такую уж долгую жизнь. В школе мисс Вулер благодаря её хозяйке и малому количеству учениц Шарлотте жилось относительно сво-

бодно. Для уроков время было определено далеко не всегда. Девочки приходили к мисс Вулер тогда, когда они выполняли свои задания. Ученицы могли гулять по живописным окрестностям и весело играть невдалеке от школы. Когда стало тепло, Шарлотта частенько ходила на площадку для игр и там, в тени деревьев читала. Мисс Вулер оценила тягу к знаниям этой худенькой девочки, которая старалась не терять время даром, и задавала ей больше других. Хозяйка школы сумела привить всем ученицам любовь к чтению и стремление к получению знаний. А Шарлотта по-прежнему увлекалась сочинительством. Ни единожды пугала она девочек поздними вечерами, рассказывая им удивительные и страшные истории.

Мисс Вулер, совершая по субботам длительные прогулки по окрестностям с ученицами, вспоминала прошлое этих мест, рассказывала о бунтах рабочего люда, уволенных с фабрик, которые мстили владельцам за то, что те приобретали машины, заменившие их. Голод семей довёл уволенных до отчаянья. Они собирались в отряды, наспех пытались обучиться военным азам и всей ватагой нападали на заводы и дома своих бывших хозяев. Шарлотте больше всего запомнился рассказ об одном из них, замечательном человеке, Картрайте, владельце фабрики Роуфолд в Ливёредже, что недалеко от школы. Он, решив модернизировать производство, оборудовал свою фабрику новейшими машинами. Теперь красивое шерстяное полотно шло быстрее, обещая вы-

годные барыши и в будущем расширение фабрики. Но уволенные не разделяли радужных планов хозяина. В округе другую работу не найти и их засосала беспросветная нужда. Обездоленные работяги, в которых обострился национальный фанатизм, задумали отомстить иноземцу, которым они его считали. Этот высокий, статный джентльмен действительно имел в своей родословной предка иностранца. Для англичанина его кожа казалась чересчур смуглой, и глаза, слишком тёмно-карие, почти чёрные, большие блестящие и выразительные. Картрайт прекрасно говорил по-французски и несколько лет жил за границей. Всего этого оказалось достаточно, чтобы возненавидеть фабриканта, а тут ещё увольнение.

Бунтовщики вооружились кто топорами, кто палками, а некоторые, даже сумели добыть пистолеты. В субботнюю ночь 11 апреля 1812 года они ринулись к фабрике Картрайта, беспрестанно выкрикивая проклятия и угрозы в его адрес. Хотя он ожидал нападения, но вместо роты призвал себе на помощь лишь пятерых солдат и четверых преданных ему рабочих. Эта горстка во главе с фабрикантом противостояла сотням, гонимых нуждой и жаждущих мести.

Пройдут годы, и история Картрайта преобразится в один из важных и запоминающихся эпизодов романа «Шерли», который напишет Шарлотта. А пока она слушает и наблюдает, читает и размышляет.

Дома скуцали по Шарлотте, а ей часто вспоминались по-

койные старшие сёстры. Она иногда мечтала, как было бы хорошо, что вот позовут её в гостиную, она войдёт, а там... Мэри и Элизабет, но, увы.

Брануэлл, четырнадцатилетний красавчик, дома стал считаться старшим и к Эмили и Энн относился покровительственно. Да и всегда он был на особом положении, как единственный сын. Подросток всерьёз заинтересовался политикой и отошёл от игр, которыми увлекались сёстры. Брануэлл в письмах делился с Шарлоттой своими суждениями по поводу перестановок в кабинете министров, строго характеризовал ведущих политических деятелей. Спустя почти полтора года после отъезда Шарлотты из дому он пишет: «...я начал думать, что интерес к политике у меня стал угасать, но недавно я получил большое удовольствие от того, что прочитал в новостях. Оказалось, Палата лордов выгнала Билла, изгнание Серого Графа меня чрезвычайно порадовало...»

Немало времени проводил Брануэлл в компании местных парней. И, конечно же, рисовал, это было любимое его занятие. Особенно хорошо ему удавались портреты. Отец, видя его прекрасные способности, лелеял мечту отправить сына на учёбу в Королевскую Академию и по крохам копил деньги. Брануэлл замечал, что его считают не таким как все, и частенько этим пользовался. О себе он думал, как о будущем художнике, да и как было не появиться таким мыслям у ребёнка, которого в семье чуть не боготворили и веровали в то, что он принесёт фамилии Бронте славу.

Несмотря на некоторую избалованность Брануэлл любил не только сестрёнок и отца, но и чопорную тётю и ворчливую Табби, которые относились к нему как к молодому джентльмену. Он очень огорчился, когда кто-нибудь из домашних заболел, и радовался тёплому солнцу в ясную погоду, потому что надеялся, что это поможет выздороветь, особенно его милым сестричкам и дорогому папе.

Эмили и Энн в отсутствии Шарлотты ещё больше сдружились и почти не расставались друг с другом. Им захотелось по примеру старшей сестры придумать свою страну. После нескольких не очень удачных попыток фантазия девочек создала Гондал. В воображении сестёр это королевство соперничало с Ангрией, и к приезду Шарлотты обрело независимость.

Возвращение старшей сестры всеми было встречено радостно. Вскоре Шарлотта приступила к обучению сестрёнок. Летом, так приятны тёплые деньки и так манит зелень лугов и благоухание цветов. Но Шарлотта не может позволить ни себе, ни сёстрам праздное гуляние. Она установила, можно сказать, твёрдый распорядок дня: «Утром, с десяти часов до половины первого я занимаюсь с сёстрами, до обеда мы гуляем. Потом до ужина шью, а после чая пишу или читаю, или делаю какую-нибудь другую работу. Все дни, что этот один», – пишет Шарлотта своей подруге 21 июля 1832 года. Однообразие будней уже начало тяготить её, ведь душа просит новых впечатлений. Шарлотта грустно говорит себе, что

не должна думать о своём удовольствии, её долг, как старшей сестры забота о младших, её обязанность помочь им и отцу.

В правление королевы Виктории в дочерях воспитывали, в первую очередь, жертвенность, особенно во имя семьи, и сёстры Бронте не были исключением. Над личными желаниями должны преобладать семейные интересы.

Шарлотта понимала, что умненьким, но, как и она, слабым здоровьем Эмили и Энн необходимо образование, но пока у отца такой возможности нет и будет ли в будущем неизвестно. Поэтому она большую часть времени проводит с сёстрами, передавая им свои знания. С большим удовольствием она с ними рисует. Воображение юных дев уже требовало отражения в формах и конкретных образах.

Иногда их уединённый мирок посещают гости, обычно это преподавательницы воскресной школы, приглашённые девочками на чай.

За кладбищем, слегка вздымаясь, раскинулось широкое раздолье торфяников, как бугристое лоскутное одеяло, где в живописном беспорядке виднелись чёрные проплешины торфа, чередующиеся с тёмно-зелёными островками кустарников вереска, над которыми парило сиренево-фиолетовое покрывало из цветов. В эту волнистую поверхность врезались обломки скал, будто невидимой рукой великана разбросанные по равнине. Большие замшелые камни, упавшие из гигантской пригоршни, пробили землю, породив водопад, скачущий по ним и орошающий их своими брызгами. Это

были излюбленные места прогулок сестёр Бронте.

В сентябре Шарлотта покинула семейство на две недели. Она гостила у своей школьной подруге Эллен и повидалась с одноклассницами. В назначенный день её возвращения четырнадцатилетняя Эмили и двенадцатилетняя Энн не могли сдержать своего нетерпения, они упросили отца выйти на дорогу встречать Шарлотту. Как только показалась повозка, девочки побежали ей навстречу. Радостно обнимая и целуя друг друга, они возвращались к дому, где у порога встречали улыбающиеся отец, тётя, Брануэлл и Табби, которые бросились к Шарлотте. Трогательная сцена встречи запомнилась Шарлотте, и она написала о ней своей подруге: «... меня обнимали с таким удовольствием, как если бы я отсутствовала более года».

Затем Шарлотта продолжила обучение сестёр, они по-прежнему занимались ежедневно. Отец не жалел своих скудных средств на покупку книг и выписку журналов, поощряя, как и прежде чтение детей, которое тётя держала в должных, по её мнению границах, заставляя девочек вникать в ведение домашнего хозяйства. По воскресеньям сёстры посещали воскресную школу и добросовестно делились своими знаниями с детьми бедняков. Главным преподавателем, конечно же, был Патрик Бронте. Он знакомил их с деяниями святых отцов, толковал Священное писание и рассказывал о тернистом пути Иисуса Христа. Дети записывали имена и важные события тех далёких времён на грифельных досках, кото-

рые служили им вместо тетрадей. Небольшие прямоугольные шиферные пластинки лежали на коленях и их усердные пальчики выводили грифелем букочки, такие непослушные, что трудно укладывались в ровные строчки. Преподаватели школы не утомляли учеников бесконечно долгими уроками. В середине занятий устраивался перерыв. Тогда дети могли спокойно съесть принесённый с собой обед, удобно разложив его на противоположной стороне доски, как на подносе.

* * *

Эллен посетила семейство Бронте летом следующего года. Подругам хотелось встретиться намного раньше, но не позволила погода, холодная, даже весной. Эллен была приятно удивлена, она не встречала ещё ни одну семью, все члены, которой так умны и оригинальны. В свою очередь гостя завоевала расположение не только их, но и Табби, случай редкий. Доброе мнение строгой служанки ценилось, и было полезно для посетителей пастората, но далеко не все его заслуживали.

Наступившая зима оказалось на удивление дождливой и сырой. В редкие дни, когда затихал дождь, ни один лучик солнца не мог пробиться сквозь преграду из плотных серых туч. Дышать тяжёлым воздухом, насыщенным влагой становилось трудно. Многие жители Хауорта захворали. Но всем местный доктор помочь был не в силах. Жалобные и скорбные звуки похоронного плача зачастили на кладбище. У Патрика Бронте всё его время заняли печальные обязанности.

Тоскливая атмосфера и сырость торфяного болота не располагала к прогулкам, и дети часто сидели дома.

В феврале Мэри, школьная подруга Шарлотты известила её, что Эллен вскорости должна уехать в Лондон. Для Шарлотты столица Англии столь же недоступна как Древний Рим или Вавилон, и она была уверена, что такой большой и блистающий город поразит и очарует Эллен. Каково же было её удивление, когда в письмах подруги Шарлотта не обнаружила ни аффектации, ни восхищения эффектными лондонцами и столичными достопримечательностями, ни презрения к родной равнине. Шарлотта восторгалась подругой, которая не попала в блестящий плен столицы и осталась верна своему родному йоркширскому пейзажу, в то время как саму её манил Лондон, тогда ещё недостижимый для неё старинный город, где находились покои королей, вершителей судеб страны.

Глава четвертая. Разочарование.

Через год, в середине лета в пасторате обсуждался семейный план. Главный вопрос – выбор профессии для Брануэлла. Умственные способности этого уже восемнадцатилетнего юноши признавались всеми и вселяли к нему благосклонность среди членов семьи и уважение отца, который умудрялся выкраивать из своего скромного дохода на учёбу единственному сыну, гордости, надежде и опоре их фамилии в будущем. Патрик Бронте, часто хворавший последние годы, придерживаясь диеты обедал в одиночестве, дабы не подвергнуться искушению съесть что-нибудь, что может повредить ему и по настоянию доктора старался пребывать в тихой и спокойной обстановке в те немногие часы, что оставались от службы. Это привело к тому, что отец не смог полностью контролировать поведение сына, и не знал о посещениях Брануэллом трактира «Чёрный Бык».

Когда случалось одинокому заезжему путнику скучать над бутылкой ликёра, хозяин «Чёрного Быка» говорил ему:

– Сэр, Вы хотите, чтобы кто-нибудь помог Вам с Вашей бутылкой? Если Вы согласны, позовём Патрика. Он отменный собеседник и вмиг развеет вашу скуку.

Посылали за Патриком, сельчане называли Брануэлла его первым именем. Завсегдатаи «Чёрного Быка» хвастались смышлёным и начитанным пареньком, как местной досто-

примечательностью. Провоцировали его высказывать свои суждения о политике, литературе, живописи. Для деревенских ребят он был как живая книга, содержание которой они мало понимали и от этого ещё больше ценили своего учёного приятеля, который совсем не зазнавался, но требовал уважения к своим способностям. Брануэллу нравилось публичное восхищение его персоной. В перерывах между развлечением посетителей кабачка Брануэлл увлечённо рисовал.

Он пытался запечатлеть своих сестёр на холсте...

– Энн, не шевелись, мне трудно уловить твои черты, – сказал Брануэлл.

– А, я не виновата, что не могу удержаться от смеха, – оправдывалась младшая сестра.

– Хорошо, сестрички, смешить вас больше не буду, а расскажу вам немного страшную историю, которую недавно придумал.

Лучи восходящего солнца делали колонну, возле которой стояла Шарлотта, ослепительно белой. В простом, но элегантном платье, в котором она позировала, Шарлотта выглядела милой и женственной. Пышные рукава и большой светлый воротник украшали наряд, изящная фигура юной девы казалась воздушной. Она слушала брата и смотрела в окно, где вместо медленно плывущих облаков возникали образы, рождённые его рассказом.

Левая сторона от колонны была затенена, там располагалась Эмили, которая была уже немного выше старшей

сестры. Она слушала брата спокойно, но её пытливый взор, устремлённый в противоположный тёмный угол комнаты, видел там персонажей, о которой вещал Брануэлл. Рядом с ней – Энн, с трогательным личиком и застывшим удивлением на лице, которая не сводила глаз с брата, опасаясь, что-либо пропустить из его захватывающей истории. Младшие сёстры одеты в скромные платья, которые как бы вне изменчивой моды и, которые обычно носят девочки подростки. Широкие прямоугольные воротники закрывают плечи. Волосы у них подстрижены, и волнистые локоны прикрывают лишь шею. В центре картины между сёстрами Брануэлл намеревался запечатлеть отца, но у того мало времени на позирования, поэтому неудачный портрет главы семейства пришлось закрасить.

Позирование не было для сестёр скучным и мучительным стоянием без цели. Слушая выдумки Брануэлла, они не замечали, как пролетало время. А он, развлекая сестёр, старательно переносил на полотно выражение их лиц, игру света и тени в складках их платьев и скатерти на маленьком круглом столике, что стоял между ними.

Посетители пастората отмечали сходство портрета с оригиналом. Но всё же отсутствие систематических занятий под руководством опытного педагога сказалось на исполнении.

Сёстрам не давало покоя желание их обожаемого брата учиться живописи в Лондоне. Ах, Лондон, Лондон! Само это слово для молодых Бронте обладало магической силой, оно

завораживало их, манило блеском знаменитостей и казалось, стоит туда приехать, и ты станешь известен и велик, потому что твой талант буден оценён по достоинству и прославит твоё имя. Так думали неискущённые Бронте.

* * *

Девушки пытались придумать разные способы помощи брату, но, увы. Им оставалось только пожертвовать своими желаниями в угоду реализации мечты любимого ими Брануэлла. Шарлотта твёрдо решила идти в гувернантки, хотя вряд ли с большим желанием. Ей так хотелось независимости, так хотелось следовать велениям своей души – увидеть прекрасные пейзажи родного королевства; побывать на родине отца в Ирландии; посетить материк, прекрасную Европу; познакомиться с разными людьми; узнать их характеры и склонности, и ещё много чего хотелось исполнить девятнадцатилетней девушке. Но она с горечью понимала, что обстоятельства сильнее и ход событий вынуждает принимать решения, которые совсем не по сердцу. «Ах, как жалко, что папа не имеет достаточных средств, чтобы отправить Брануэлла в Королевскую Академию», – частенько думалось Шарлотте.

В начале июля ей уже было грустно от того, что в конце месяца она будет вынуждена покинуть родной дом и милых её сердцу его обитателей. Из трёх пришедших на её имя предложений Шарлотта выбрала место гувернантки в школе мисс Вулер. Вместе с Шарлоттой уехала Эмили, чтобы про-

должить обучение.

Путём невероятных усилий, экономя на себе и дочерях, Патрику Бронте всё же удалось наскрести денег для отправки сына на учёбу. Счастливый Брануэлл отправился в Лондон. Сумма небольшая, но на первое время должно было хватить. Отец не сопровождал сына, чтобы не оскорбить его самолюбия, да и в таком возрасте пора быть самостоятельным. Перед отъездом Брануэлл, конечно же, наведался в «Чёрный Бык» и оповестил друзей о радостном событии. Поздравления и добрые пожелания не обошлись без спиртного. В дорогу Брануэлл отправился навеселе.

За окном медленно проплывали холмы и низины, рощицы и селения. Брануэлл представлял, как он успешно поступит в Академию, как там все восхитятся его способностями, эрудицией и умом, как будет он потом возвращаться домой на каникулы, нет уже с дипломом, и расскажет о своих выставках, от которых в восторге лондонская публика.

«Какой станет восхитительной жизнь! Я заработаю сёстрам на приданное, их узнают в свете, ведь они такие умницы. А, как будет гордиться отец, я его прослаблю не только на весь Хауорт, но вся Англия и Ирландия узнают Патрика Брануэлла Бронте! Как будет довольна тётя! Да, всё это скоро сбудется». Брануэлл улыбался, купаясь в своих мечтах, забывая, что для их осуществления надо много потрудиться и вытерпеть. А хватит ли у него сил?

Юноша проголодался, дорога его утомила, и он решил

остановиться в гостинице на ночь и подкрепиться.

– Вина и яичницу с беконом! – заказал Брануэлл.

– Сударь, никак Вы нашли клад, лицо Ваше так и сияет, – сказал улыбающийся официант, ставя тарелку и бутылку.

– В какой-то мере это так. Я еду поступать в Королевскую Академию.

– О, вы человек учёный.

– М-да, спроси о чём угодно.

И Брануэлл стал бахвалиться и веселить публику. Он был вдали от дома, чувствовал себя свободно и заказывал вина ещё и ещё. Пробалагурил до поздней ночи, развлекая постояльцев, пока, наконец, добрался до своего номера. Проснулся он за полдень, и, оказалось, опоздал, другой экипаж отправлялся в Лондон утром следующего дня.

– Ладно, поеду завтра, больше ждал, – немного погрузившись, сказал сам себе Брануэлл.

Он немного побродил и вернулся в гостиницу. Словоохотливый молодой человек снова привлёк внимание посетителей, завязались приятельские отношения, где не обошлось без пива и вина.

Брануэлл очухался перед самым отправлением экипажа. Но, когда он стал оплачивать проезд, оказалось, что у него почти не осталось денег... Их едва хватало на обратную дорогу. Брануэлл буквально остолбенел. Мечта всей его жизни не осуществима! «Как теперь жить? Что делать? Что я скажу отцу? Что подумают друзья? А сёстры и тётя?» Он стоял

как вкопанный, а вокруг люди занимались своими делами, изредка бросая взгляды на странного молодого человека.

Он думал: «Как я мог так быстро потратить почти все деньги?! А может быть, меня обокрали, когда я спал? Скорей всего именно так...»

Обратная дорога ему показалась бесконечно унылой и, если попадались улыбающиеся лица, это его выводило из себя. Как может кто-то быть доволен, когда у него такая беда.

Дома его не ждали и долго горевали, когда узнали, что произошло. Ни отец, ни тётя не опровергали его версию и не упрекали, понимая, что он сам наказан ещё больше их. Один шанс он уже потерял, даст ли ему жизнь другой?

* * *

Чужие, любопытные глаза смотрели на новую ученицу, которая боролась с тошнотой от волнения. Эмили, высокая и сильная на вид, почувствовала себя совершенно беспомощной среди этих девочек, шумных и резвых.

Проходили дни, но Эмили по-прежнему ощущала себя чужой среди говорливых учениц. Единственная отрада, что Шарлотта тоже здесь, но кроме уроков рисования и французского, последний преподавала ещё и мисс Вулер, и пары часов вечером, повидаться с сестрой трудно, потому что та всегда занята со своими подопечными. Каждый день Эмили вспоминала дом. «Как там папа? Продолжает ли он с тем же рвением, как прежде готовиться к воскресной проповеди, на которую народ стекается со всей округи, чтобы послушать

пламенную речь пастора, когда обличающего лицемеров и разных нечестивцев, когда рассказывающего о великих мучениках и добрых соотечественниках. Прихожане не прочь узнать о важных столичных новостях и о политических манёврах государей, а потом посудачить об услышанном. Как себя чувствует тётя Элизабетт? Как Брануэлл, рисует или носитя со своими дружками по деревне? Как там Табби, стареющая наша домоправительница? Надеюсь, ей помогает Энн. Милая сестрица, скучаешь ли ты без нас? А я вот без вас тоскую... Как мне не хватает ваших таких родных лиц, не хватает тишины любимых торфяников. Как приятно созерцать цветы на чёрных пустошах. Как там дышать привольно!..»

Шарлотта замечало, что школьная атмосфера не по вкусу Эмили, она, даже стала худеть и бледнеть. Младшая сестра призналась старшей:

– Почти каждый день мне вспоминаются родные места. Утром поднимаюсь, но как будто не в школе, а в нашей спальне в пасторате с тремя аккуратными кроватками; смотрю в окно, вижу не аллеи с ровными и подстриженными деревьями, сбрасывающими листву, а чёрно-зелёные мои милые торфяники; иду на урок, а представляю, что гуляю по нашим любимым местам; выхожу на прогулку с девочками и преподавателем школы, а меня тянет пробежаться по мшистым валунам вдоль водопада, где нам так нравилось бывать. А расписание! Как оно меня угнетает!

– Но дома оно у нас тоже было! – возразила Шарлотта. –

Вспомни, мы в определённое время чередовали занятия, домашние дела, прогулки и отдых.

– О, сестрица, это совсем другое. В домашнем распорядке дня была масса изменений. Я могла следить, не пригорели ли, испеклись ли пироги и читать книгу, гулять среди вереска и учить или придумывать стихи. Слушая урок, могла любоваться цветами за окном или бегущими облаками. А здесь я должна умываться одновременно с восьмью девочками. В одно и то же время обедать с ними и совершать прогулки. И невозможно побыть одной! Да и тебя я редко вижу.

– Эмили, милая моя, что же делать, я должна работать, хотя честно тебе скажу, что удовольствия в преподавании я не нахожу. Сама знаешь наши дела, мы должны выучиться, чтобы содержать себя, – Шарлотта попыталась в рифмованной форме развлечь сестру, чтобы отвлечь от грустных мыслей и напомнить о серьёзном и не очень радостном их положении.

– Складно говоришь сестричка и ты права. Но, всё же быть здесь я не хочу, не могу я жить среди чужих людей.

– Эмили, родная, потерпи, привыкнешь. Здесь почти все девочки сёстры моих одноклассниц. Мне в начале тоже было нелегко, доброта мисс Вулер помогла. И тебя она не даст в обиду, к тому же я с тобой. Скоро подружек заведёшь, будешь делиться с ними секретами.

– Ах, Шарлотта! Не нужны мне подруги!

На то и секреты, чтобы держать их в тайне от других.

И никто мне не нужен кроме моих родных!

* * *

Как Шарлотта не убеждала сестру, та дичилась всех и таила на глазах. К исходу третьего месяца пребывания в школе Эмили заметно похудела и ослабла. Шарлотта с тревогой всматривалась в её бледное и грустное лицо. Наступали ноябрьские холода, впереди неустойчивая зима с морозами и оттепелями, дождями и метелями. Ослабевшая, упавшая духом Эмили в любой момент могла простудиться. Опасаясь за здоровье сестры, Шарлотта приняла решение уступить её просьбам, и отвезла Эмили домой, куда та так настойчиво стремилась. Вернулась Шарлотта в школу вместе с Энн.

А Эмили? Конечно же, она скучала по сёстрам, но дома ей было лучше, потому что чувствовала себя здесь свободнее. Домашним заботам она предавалась с удовольствием. Эмили почти полностью отстранила постаревшую Табби от приготовления пищи, щадя её больные ноги от долгого стояния у горячей плиты. Всякий кто проходил мимо дверей кухни частенько мог видеть Эмили, которая месила тесто и бросала взоры на открытую книгу, изучая немецкий язык. А, какой вкусный и лёгкий пекла она хлеб! Взяла она на себя и глаженьё белья. В свободное время и в относительно хорошую погоду Эмили бродила по любимым торфяникам с упоением. Её одинокий дух будто сливался с природой, которую она обожала, и парил, порождая поэтические образы и строки.

Мисс Вулер для Шарлотты теперь уже не школьный педа-

гог, а коллега и уважаемый её друг. После утомительного и суетного дня с шумными воспитанницами приятно посидеть вечером в тиши. Иногда мисс Вулер и Шарлотта засиживались до поздней ночи, занимаясь рукоделием и мило беседуя. Несмотря на изрядную разницу в возрасте они понимали друг друга хорошо. Всегда приветливая мисс Вулер заботилась обо всех своих подопечных, но к сёстрам Бронте была более расположена, не смотря на слабое здоровье, они упорны в учёбе, что ей очень нравилось, она сочувствовала им, ведь они вынуждены жить на столь скудные средства. Добрая хозяйка школы не раз задумывалась: «Что ждёт их в будущем? Ведь они много умнее большинства моих учениц. Прекрасно усваивают новые сведения. А самое главное, они самостоятельно думают, прочитанное или услышанное анализируют, осмысливают критически. Они могли бы пропустить через своё сердце и разум куда больше знаний, чем даётся здесь. Ах, если бы они могли поступить в университет!.. К чему вздорные мечты, ведь это невозможно! Но им нужны в преподаватели именно учёные профессора. Увы... Жаль, если их способностям не удастся реализоваться... Что же, будут простыми жёнами, как тысячи женщин. В семейных заботах и материнстве есть своё счастье, только и оно не каждой достаётся. Далеко за примерами ходить не надо, – мисс Вулер грустно усмехнулась, имея в виду себя. – Пожалуй, и замуж им будет выйти не легко. Из-за высокого интеллекта они, вероятно, станут избирательны, а ничтожное их придан-

ное ограничит претендентов на руку и сердце. Бедные девочки! Было бы у них здоровье крепкое и хитрость, они сумели бы устроиться с выгодой, но ведь и этого у них нет. Как столь тихие и слабые создания выживут в этом суровом мире без достаточных средств и связей? Мужчине в таком положении, как у них и то пробиться чрезвычайно трудно, а уж женщине и подавно... Как мне жалко этих Бронте. А Шарлотта? С каким усердием она работает, по-моему, ей не очень нравится объяснять урок непонятливым ученицам, но она терпит ради сестёр, ради семьи. О, Всемогущий Создатель, помоги им!»

Мисс Вулер часто предлагала Шарлотте провести выходные у её подруг, желая, чтобы чересчур требовательная к себе воспитательница отдохнула в дружеской обстановке с ровесницами. Но Шарлотта почти всегда отказывалась. Эллен и Мэри жили недалеко от школы, и их бывшая одноклассница могла дойти до их домов пешком, но вместо того чтобы каждое воскресенье проводить среди одной из них, она за два года посетила их не более трёх раз. «Я должна держать себя в руках, не поддаваться настроению и делать то, что надо, а не то, что хочется, – внушала она себе. – Если я буду поддаваться своим слабостям, поощрять себя всякими приятными вещами, то как я справлюсь с трудностями и смогу защитить своих сестрёнок. Мисс Вулер по доброте своей старается сделать мне поблажки и, возможно, она догадывается, как мне хочется повидаться с Эллен и Мэри, но она не знает насколько сильно я жажду с ними встречи и об-

щения. Но я должна, терпеть и молить Бога исправить мои заблуждения, наставить и дать силы преодолеть соблазны». Шарлотта отказывала себе в невинных желаниях, выработывая характер, как истый аскет.

Вскорости из соседнего городка Лидса распространился слух об удивительном случае. Некая гувернантка, жившая в семье богатого владельца коммерческой фирмы, вышла замуж за его служащего. Через год, после рождения ребёнка обнаружилось, что её муж до их брака уже имел жену, с которой не разведён. В своё оправдание он приводил тот довод, что его первая жена сумасшедшая, и они лишь формально оставались мужем и женой, а фактически он был одинок. Но могло ли это признание утешить его вторую жену, которую закон лишил её статуса. Сочувствие к обманутой девушке и её, теперь внебрачному ребёнку всколыхнуло всю округу. До школы мисс Вулер тоже дошла о них весть, и сострадание им оставило глубокий след в душе Шарлотты. Эта история вызвала много пересудов и осталась в памяти юной учительницы, притаившись до поры. Придёт время, и Шарлотта отразит её, преобразив в своём романе «Джейн Эйр».

Иногда подруги навещали Шарлотту в школе. Однажды Мэри её спросила:

– Шарлотта, при всём моём уважении к мисс Вулер, столь небольшая плата, которую ты получаешь здесь, недостаточна. Я же вижу, сколько трудов тебе стоит выполнять свои обязанности. И как ты согласилась на это?

– Ах, милая Мэри. Мисс Вулер добра, ты знаешь, и, если бы она могла, платила бы больше. Я вынуждена работать, – вздохнула Шарлотта и, понутив голову, добавила. – Другого выхода у меня нет.

Мэри молчала, потому что ни советовать, ни возражать она не имела права, так как сама никогда не знала нужды. Она заметила, что преподавание не приносит Шарлотте удовольствия, это дело ей неинтересно. От этого работа становилась для неё тягостнее, и Мэри поняла, почему Шарлотта всегда стремится уединиться, если предоставляется такая возможность. Она не любит учениц, и заниматься с ними ей совсем не нравится.

Шарлотта вспомнила недавний случай и поделилась с подругой впечатлением.

– Сидела как-то я в раздевалке, думала о моих родных. Смеркалось. Скоро стало совсем темно. И вдруг мне стало страшно. Темноту, пронизывал лунный мерцающий луч. Знакомая комната преобразилась в какой-то иной мир, наполненный таинственными и мрачными видениями, казалось, они скользили около меня, а слух улавливал шелест крыльев. Я сидела охваченная ужасом... С тех пор настроение моё стало унылым. Меня одолевают мрачные мысли. Я не могу никак забыть этот ужасный мрак. С большим трудом засыпаю на короткий миг, сон от меня бежит.

– Шарлотта, дорогая, я не знаю, чем тебе помочь. Может, обратишься к доктору?

– Ах, Мэри, я уповаю лишь на помощь Бога.

– Приезжай тогда к нам, отвлекись от своих школьных дел.

– Спасибо, моя милая, но с ученицами я прохожу трудный раздел и, чтобы усвоить хорошо урок требуется много повторений.

– Но мисс Вулер вместо тебя мне пообещала ещё на Троицын день, что в следующую пятницу ты нас непременно посетишь.

– Хорошо, Мэри, я приду к вам. А в воскресенье в церкви мы встретимся с Эллен, ведь и она меня много раз приглашала, и пойду к ней.

– И следующие выходные мы вместе проведём, – радостно пропели девушки.

Встречи с дорогими сердцу Шарлотты людьми – роскошь, которую она себе позволить считала не в праве. Частенько при свете догорающей свечи Шарлотта писала им письма и перечитывала адресованные ей, будь то тихий вечер, или, когда ветер, завывая, нещадно сгибал стволы стройных тополей и трепал ветви лип.

Порой Шарлотта задумывалась, анализируя свой характер, и приходила к выводу, что она всё больше становится раздражительной. Эта черта не давала ей покоя и очень её печалила. «Я изо всех сил скрываю, не показываю своей досады на девочек медлительных, плохо соображающих и как же меня раздражают слишком шумные и любопытные

до всего ученицы, но туповатые на уроках. Как я ни держу себя в руках, раздражение лишает равновесия, далеко не могучее, моё здоровье. Очень часто я молю Господа помочь мне побороть недостатки своей натуры, которые делают меня несчастной, но пока, увы», – сокрушалась на себя юная Бронте. Самокритичная Шарлотта стремится быть не только добропорядочным человеком, она сильно желает, чтобы самобичевание переросло в самоуважение.

К осени школа мисс Вулер, по причине разных хозяйственных дел, вынуждена переехать в Дьюсбери, не далеко, всего около трёх миль. Но как разительно отличалась местность. Мрачноватая низина с частыми туманами и застойным воздухом. Хотя здесь рос в изобилии вереск, любимый сестрами Бронте и напоминавший им о доме, они находили, что пустоши на холме в Хаурте более живописны, но главное, что дышится там легче и свежее. Пагубное влияние здешнего климата сказалось на самочувствии Шарлотты и Энн.

Желая облегчить отцу содержание семьи и помочь брату собрать деньги, Эмили решила покинуть дом и испытать себя в качестве учительницы. У неё уже был небольшой опыт преподавания в воскресной школе. В сентябре она уехала в Галифакс, ей предстояло работать в школе, где обитало около сорока учениц. Условия оказались суровые. С раннего утра, вставать приходилось в шесть часов, и до позднего вечера Эмили занималась с детьми, спать она ложилась не

раньше одиннадцати. Обязанности воспитателя и преподавателя сливались и сваливались на хрупкую Эмили, которая за целый день имела лишь получасовой перерыв. Рабский труд не мог не сказаться на впечатлительной и болезненной девушке. Но она самоотверженно терпела.

В Дьюсбери шестнадцатилетняя Энн под руководством мисс Вулер и Шарлотты постигала азы мудрости. Весёлая и озорная, она прилежно училась, и душевные волнения были ей ещё не знакомы, а на недомогания, которые иногда с ней случались мало обращала внимания.

Три сестры встретились в родном доме на Рождество. Как хорошо им было вместе у родного очага. Молодые Бронте должны были подумать, как и на что им дальше жить. Когда хлопоты уходящего дня: стирка, глаженьё, стряпня и уборка были позади, сёстры садились за рукоделия, – шили, штопали, иногда вязали и вышивали до девяти часов вечера. Старшие в это время уходили на отдых, а фигуры юных Бронте тихо перемещались по коридорам в полумраке устремляясь к свету камина. Здесь тепло и не надо было зажигать свечу. При колеблющихся отсветах пламени проходили их беседы.

– Мы уже все взрослые, за исключением Энн и обязаны освободить отца от бремени нашего содержания, – строго сказала Шарлотта.

– Конечно же, мы должны побережь нашего дорогого папу, – согласилась Эмили, – ему тяжело заботиться о нас, ведь скоро у него шестидесятилетний юбилей.

– Когда я закончу учиться тоже пойду в гувернантки, мне хочется обучать детей, как вы, – восторженно прошептала Энн.

Шарлотта и Эмили переглянулись и посмотрели на неё с сочувствием, потому что сами уже извели эту нелёгкую долю.

– Папа слишком добр и щедр к своим неимущим прихожанам. С таким доходом не до либерализма, следовало бы ему быть по прижимистей, – высказался Брануэлл.

– Что ты, кто как не пастор должен заботиться о своей пастве, – возразила Шарлотта.

– Папа подаёт нам хороший пример, а ты его осуждаешь, не хорошо, братец, – мягко укорила Эмилия.

– Да, нет, я не осуждаю, а рассуждаю, – попытался оправдаться Брануэлл.

– Мои дорогие, нам нужно не только о дне сегодняшнем подумать, но и о своём существовании в будущем. Сами знаете, папа часто болеет ..., – замолчала, не договорив Шарлотта.

– Но у тёти есть рента, – вставила Энн.

– Милая сестричка, ты, верно, забыла, что тётя Элизабет не Бронте, а Брануэлл и её наследство получим не мы, а наша родня, – напомнила Эмили.

– Слушайте, дорогие мои, может быть нам попытаться опубликовать свои стихи, – высказала Шарлотта только что мелькнувшую мысль.

– Да, что ты, куда нам тягаться с признанными поэтами, – возразила Эмили.

– Почему же, для начала напишем одному из них, спросим его мнение, чтобы не осрамиться в издательстве, а потом, последуем совету из присланного ответа, – сказала Шарлотта, всё больше загораясь этой идеей.

– Ты думаешь нам ответят? – Эмили сомневалась в успехе этого предприятия.

– Эмили, стихи твои так хороши, что не понравиться не могут.

– Нет, дорогая, посылай свои. Посмотрим, что тебе ответят.

– Что вы, сестрички мы все славно пишем! – воскликнул Брануэлл, окрылённый предложением Шарлотты.

– Ты братец, не забыл, что обещал всей семье? Стать знаменитым художником, а стихи оставь на баловство, – напомнила старшая сестра, шутя.

– Ты тоже грезила профессией живописца, а теперь ударились в стихи, – парировал Брануэлл.

– Ах, бредишь мою рану, – грустно промолвила она. – Глаза мне позволяют за редким исключением писать лишь буквы.

– Давайте напишем двум поэтам, для верности. Кто-нибудь из них да ответит, – предложил Брануэлл.

– Возможно, не стоит торопиться с назойливыми письмами к людям известным и занятым, – сказала деликатная

Эмили.

– Сестрица, мы должны узнать на что мы годны, а кто же определит это как не человек опытный и знаток своего дела, – настаивала Шарлотта.

– Только тебя прошу, мои стихи не посылай, – Эмили промолвила тихо, но настойчиво.

– Хорошо, рискну только своей репутацией, – улыбаясь ответила Шарлотта.

Двадцать девятого декабря известному поэту Роберту Саути было отправлено письмо, в котором помещены стихи Шарлотты и её обращение к признанному мастеру, дать совет стоит ли ей заниматься поэзией. Так как при написании письма Шарлотта волновалась, то сопровождала свою просьбу несколькими высокопарными выражениями, что заставило её потом мучиться. Она опасалась, что знаменитый поэт подумает будто девушка, приславшая ему письмо наивная и романтичная простушка, а Шарлотта считала себя серьёзной и вдумчивой, поэтому и боялась, что неверное представление о ней отразится на его впечатлении от её стихов.

Молодые Бронте ждали ответа с нетерпением, но дни проходили, а его всё не было. Так и не зная, дошло ли письмо до адресата, девушки покинули дом и вернулись в школы к своим обязанностям.

Брануэлл решил сделать такую же попытку. Девятнадцатого января следующего года своему любимому поэту и заочному учителю, теоретику поэзии и лауреату Вильяму Ворд-

сворту он отправил письмо вместе со своей поэмой.

Прошли январь и февраль. В начале марта Шарлотта получает очередное письмо от отца, в нём... вложен ответ от Саути! Руки, державшие эти заветные листки, слегка дрожали. Что там? Приговор или поощрение, заинтересованность или снисхождение, осмеяние или назидание?.. Переведя дух, Шарлотта осторожно развернула письмо, читает... Лицо краснеет, глаза блестят, вскорости щёки уже пылают, слезинки бегут, догоняя одна другую. «Какой позор! Какой стыд! Как я сожалею, что побеспокоила достойного человека таким сырым и недостойным своим творением!» – повторяет она, рыдая. Шарлотта в тайне, в глубине души надеялась на одобрение своих стихов, при этом одновременно опасалась, что опытный поэт укажет ей, что стихи её вовсе не поэзия, а плод самообольщения и самолюбования, бессмысленная связка слов, недостойная внимания. Но надежда всегда сильнее опасения, а тут она подверглась суровому испытанию. Шарлотта перечитывала письмо вновь и вновь.

«...Литература не может быть делом жизни женщины и этого не должно быть. Чем больше она занята надлежащими обязанностями, тем меньше у неё будет досуга. К тем обязанностям Вас ещё не призвали, но с ними Вы меньше будете стремиться к знаменитости. Вы не будете искать волнения в воображении и Вы не должны надеяться, что тем самым будете освобождены от превратностей и неприятностей жизни. Но не думайте, что я осуждаю Ваш дар, которым Вы облада-

ете. Я не могу препятствовать в его осуществлении. Я только призываю Вас использовать это для Вашей пользы. Пишите стихи для себя, а не в целях стать знаменитой, не стремитесь к этому, более вероятно, что это надо заслужить, а в последствии получить. Это полезно для сердца и души. Вы можете воплотить Ваши лучшие мысли, самые мудрые чувства, и при этом подчинить их высоким порывам и усилить...»

Письмо Саути было большое, на трёх листах... Несколько дней Шарлотта приходила в себя, осмысливала его содержание, обдумывала, как ей быть дальше. Оно не давало ей покоя, словно прерванный разговор, требующий продолжения... Она написала второе письмо Саути. Оно заняло более двух страниц. В нём Шарлотта благодарила поэта за добрый и мудрый совет, откровенно рассказала, что чувствовала при прочтении его послания, поведала о своей семье, подробнее описала свои стремления и уверила, что не известность её манит, а необходимость заставляет искать заработок.

На этот раз ответ Саути не заставил долго ждать, в конце марта Шарлотта его уже получила.

«Кесвик, 22-го марта 1837 г.

Дорогая госпожа, Ваше письмо доставило мне большое удовольствие и, я не простил бы себе не сказав этого Вам. Позвольте мне просить Вас когда-либо посетить озера, где я живу. Позвольте мне видеть Вас. И Вы в последствии думали бы обо мне благожелательнее и убедились бы, что во мне нет ни угрюмости, ни чрезмерной серьёзности.

Милосердием Бога дано, что в нашей власти достигнуть определённой степени управления собой, которое существенно для нас и влияет на наших окружающих. Держите в узде своё воображение и пытайтесь быть умиротворённой (для Вашего здоровья это лучший совет, который я могу дать) и тогда ваше моральное и духовное совершенствование будет идти в ногу с интеллектуальным ростом.

А теперь, Госпожа, Да благословит Вас Господь!

Прощайте, и полагайте, что я буду Вашим искренним другом.

Роберт Саути».

«Приехать в Озёры! Боже Великий! Поэт, которого знает вся Англия, приглашает меня! Какое счастье!.. И какое горе! На поездку нет денег! И совершенно нет никакой возможности сэкономить, чтобы отложить! Как грустно! Опять препятствия моим желаниям! Надо запретить себе об этом мечтать и думать», – говорила себе в отчаянии Шарлотта, обливаясь слезами.

Брануэлл тоже получил ответ от Вордсворта, который считал его письмо замечательным, он сделал некоторые замечания по поводу поэмы юного автора, но в общем приободрил и обнадёжил. И Брануэлл, поощрённый мнением высокоуважаемого им поэта, ударился в литературное творчество.

А Шарлотта, отгоняя свою печаль, впрочем, малоуспешно, постаралась сосредоточить своё внимание на обязанностях, которые накладывало пребывание в школе. Нудно и мо-

нотонно проходили дни, недели, месяцы её преподавательской деятельности, радости они не приносили. Это так мучительно для творческой натуры, которая стремится постоянно познавать новое и преобразовать, трансформировать в идеи и образы. Практически всё своё время Эмили и Шарлотта тратят на то, что им неинтересно. Необходимость делать не то, чего жаждет душа, а то к чему толкают обстоятельства, превращает девушек в унылые и вечно печальные существа. Но сестёр ещё не покинула надежда на благополучие их семьи в будущем, только это и даёт им силы выполнять долг по отношению к своим близким. Но как хочется дать волю своему воображению! «Как заманчив и дорог этот мир грёз, на который совсем нет времени. Но надо ли стремиться к этому, ведь женская доля иная ... Как хочется поделиться с другими тем, что не даёт покоя и просится вырваться наружу. И тут же грызут сомнения. Достояна ли, чтобы тебя слушали, читали творения твоей души?! Пожалуй, что ещё не совсем готова. Значит надо совершенствоваться, учиться самой. Как много на свете всего интересного и, что я знаю из этого! Остаётся терпеть и работать», – такие мысли не давали покоя Шарлотте.

Предаваясь вопреки желанию долгу, творческие натуры чахнут в узде ненавистных обязанностей. Эмили, скрепя сердце несла свой крест. В многолюдной школе ей было одиноко, потому что не встретила тут родственную душу. Ночью, когда все вокруг засыпали Эмили могла предаться раз-

мышлению. На творчество нужны время и силы, но они отданы работе. А Шарлотту огорчало то, что её милая Эллен уехала в Бате, и уже давно не приходится надеяться, что вот войдут к ней и скажут: «К Вам приехала Эллен». Так однообразно и буднично прошёл год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.